

В. И. ФУРАШОВ

ПРОБЛЕМА ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА

В связи с осознанием системности языка и выработкой представлений о языке как сложной, многоуровневой, иерархически организованной структуре, состоящей из определенным образом организованных элементов и правил их функционирования, естественно возникает вопрос о необходимости уточнения некоторых традиционных положений лингвистики, связанных, в частности, и с проблемой членения предложения.

Возможность различных подходов к членению предложения заложена уже в самой его природе, позволяющей рассматривать предложение не в одном, а в нескольких аспектах, нередко не опровергающих, а дополняющих и уточняющих друг друга, поскольку эта языковая единица представляется весьма сложным и многогранным образованием.

Авторы различных синтаксических концепций обычно рассматривают предложение с какой-либо одной его стороны, по их мнению, наиболее существенной. Характерно, что — при всем многообразии подходов — в предложении, как правило, обнаруживаются два компонента: своего рода «центр» и «периферия». В. Г. Адмони, анализируя синтаксические теории, приходит к выводу, что лингвистика знает, по меньшей мере, пять основных принципов выделения центрального компонента предложения, или его «ядра»: логико-грамматический, иерархический, структурный, коммуникативный и семантический¹.

Ниже речь пойдет о том принципе членения предложения, который принято называть традиционным, или логико-грамматическим, согласно которому в предложении различаются главные и второстепенные его члены.

Известно, что традиционная модель главных и второстепенных членов предложения неоднократно ставилась под сомнение в процессе развития грамматической мысли. Например, выдвигался тезис, что второстепенные члены выделяются не в собственно предложении, а в «составе подлежащего» и в «составе сказуемого», что и давало сторонникам некоторых концепций основание для «снятия» противопоставления главных членов второстепенным. Против этого положения В. В. Виноградов приводил два весьма веских, на наш взгляд, аргумента: во-первых, некоторые второстепенные члены предложения, будучи обособленными, не входят ни в состав подлежащего, ни в состав сказуемого, представляя собою своеобразные смысловые синтаксические единства в строе предложения, но грамматически оставаясь второстепенными его членами, как бы прислоненными к его основному предикативному ядру; во-вторых, известные второстепенные члены предложения (так называемые детерминанты), как и обособленные второстепенные члены, относятся ко всей остальной части

¹ В. Г. А д м о н и, Структурно-смысловое ядро предложения, в кн.: «Члены предложения в языках различных типов», Л., 1972, стр. 35—50.

предложения в целом и не связываются непосредственно ни с составом подлежащего, ни с составом сказуемого².

Действительно, многие обособленные члены предложения нельзя непосредственно отнести ни к группе подлежащего, ни к группе сказуемого, в связи с чем приходится признавать их относительно независимый статус в составе предложения. Это касается, например, обособленных определений с обстоятельственными оттенками значения, особенно в тех случаях, когда указанные функционально-синтаксические оттенки находят яркое формальное обнаружение: «Глаза, *хотя* окруженные коричневою тенью, блистали гордо и неумолимо» (Лермонтов, Княжна Мери); «Обед, *хотя* наскоро сготовленный, вышел очень хороший, даже обильный» (Тургенев, Отцы и дети). В приведенных примерах уступительный оттенок значения, формально представленный союзом *хотя*, связывает по смыслу обособленные определительные конструкции с составом сказуемого; в то же время совершенно очевидны формальная и семантическая связи обособленных определений с подлежащими данных предложений.

Обстоятельственные оттенки значения, наблюдаемые у обособленных определений, не менее ярки и прозрачны и в тех случаях, когда имеет место соотношение семантики лексических составов обособленной конструкции и группы сказуемого: «Разгоряченная шедшим впереди Гладиатором, лошадь поднялась слишком рано пред барьером» (Л. Толстой, Анна Каренина); «Довольный собственной шуткой, Шалый оглушительно расхохотался» (Шолохов, Поднятая целина), где вполне отчетливо прослеживается причинный оттенок значения.

Не вызывает сомнений и особый статус детерминирующих членов предложения. Примечательно, что тезис об отнесенности детерминирующих членов «к конструктивному ядру предложения в целом» разделяется и оппонентами Н. Ю. Шведовой³, в работах которой вопрос о детерминантах получил, как известно, наиболее подробное освещение и развитие.

Отнесенность второстепенных членов предложения одновременно к подлежащему и сказуемому наблюдается также в тех случаях, когда второстепенные члены оказываются в специфической позиции нейтрализации, т. е. обнаруживают двусторонние синтаксические связи, вследствие чего не всегда легко решить вопрос о том, к какой из традиционных рубрик второстепенных членов отнести ту или иную словоформу. Это наблюдается, например, в предложениях, где предложно-падежные формы имен существительных занимают место после таких определяемых, которые обычно не нуждаются или мало нуждаются в атрибутивных распространителях, а глагол-сказуемое обладает способностью подчинять данные предложно-падежные формы: «Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках» (Пушкин, Капитанская дочка). Ср.: *Савельич стоял передо мною со свечкою в руках*.

Если по условиям коммуникации необходимо однозначно определить ту или иную синтаксическую связь, то интонация в устной речи и соответствующие знаки препинания на письме помогают разрешить указанный синкретизм: «Народ в полях — работает» (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо). Предложно-падежная форма *в полях* относится к подлежащему и является несогласованным определением с пространственным (обстоя-

² См.: «Грамматика русского языка», II, часть первая, М., 1960, стр. 93, 94. О детерминантах см.: Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, ВЯ, 1964, 6; е е ж е, Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?, ВЯ, 1968, 2. Ср.: И. П. Распоров, О так называемых детерминирующих членах предложения, ВЯ, 1972, 6.

³ См.: И. П. Распоров, указ. соч., стр. 61.

тельственным) оттенком значения. Ср.: *Народ — в полях работает*, где та же предложно-падежная форма относится уже к глаголу-сказуемому и выражает пространственные отношения, являясь обстоятельством места.

В ряде случаев средством установления однозначности синтаксических связей служит обособление: «Дубков и Нехлюдов, в шинелях и шляпах, вошли в комнату» (Л. Толстой, *Отрочество*). Здесь предложно-падежные формы существительных выступают в функции обособленных несогласованных определений при подлежащих предложения. Ср. возможность двоякого истолкования синтаксических связей в том же предложении без обособления: *Дубков и Нехлюдов в шинелях и шляпах вошли в комнату*.

Если сказуемое по своей лексической семантике не сочетается с предложно-падежной формой существительного, то синтаксическая связь устанавливается только с подлежащим: «Высокий парень в морской телняшке отвесил Кирюшке низкий поклон. . .» (С. Никитин, *Однажды летом*), где предложно-падежная форма выступает в функции несогласованного определения.

Итак, наличие обособленных второстепенных членов, относящихся ко всей остальной части предложения, а также детерминантов и второстепенных членов с двусторонними синтаксическими связями не подтверждает, а с очевидностью опровергает ту точку зрения, согласно которой второстепенные члены выделяются не в собственно предложении, а в группе подлежащего и в группе сказуемого. Поэтому надо согласиться с мнением В. В. Виноградова, который считал поспешным вывод о снятии противопоставления главных членов второстепенным, а указанную точку зрения — оторванной «от живого разнообразия конкретно-языковых синтаксических явлений»⁴.

В последнее время уязвимость традиционной модели членов предложения усматривают в том, что второстепенные члены выделяются на «неграмматических принципах»⁵, что в основе выделения второстепенных членов лежат логические и грамматические критерии. При этом обычно ссылаются на теоретическое «Введение» в академический «Синтаксис», где сказано о том, что «традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре»⁶. Однако нередко как бы забывают, что пересмотр традиционного учения о второстепенных членах автор «Введения» видел вовсе не в отказе от выделения второстепенных членов предложения, а в углубленном изучении «всех видов синтаксических отношений и связей между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений», в стремлении «к детальному расчленению и грамматической характеристике тех форм синтаксических отношений и синтаксической связи, которые подводятся под категории определения, дополнения и обстоятельства, а также к описанию переходных или „синкретических“ случаев», в углубленном и всестороннем решении «вопроса о членах предложения в современном русском языке»⁷.

В ряде случаев стремление освободиться от смысловой стороны речи при описании грамматического строя языка, по существу, остается в области деклараций и приводит к необоснованному утяжелению лингвистических процедур анализа языковых явлений, что иногда принято называть «подходом фокусника», как это имело место в американской дескриптивной лингвистике.

⁴ «Грамматика русского языка», II, часть первая, стр. 93.

⁵ «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 133, 160.

⁶ «Грамматика русского языка», II, часть первая, стр. 96.

⁷ Там же, стр. 96, 97.

Стремление избавиться от логицизма в недавно предложенной модели описания синтаксического строя современного русского литературного языка⁸ и снять противопоставление главных членов второстепенным зашло настолько далеко, что самый термин «главные члены предложения», которым оперируют при описании так называемых структурных схем предложения, оказывается немотивированным, так как лишается логического основания и противопоставленности «второстепенным членам предложения», что совершенно справедливо отмечается оппонентами⁹.

Анализируя синтаксическую систему А. М. Пешковского, его стремление установить чисто грамматические признаки предложения, В. В. Виноградов не допускал возможности описания и определения грамматических категорий в полном отрыве от основных категорий мышления¹⁰.

Нельзя забывать, что синтаксические «события» разыгрываются на определенном лексико-семантическом и морфологическом субстрате, поэтому полного абстрагирования от лексической и морфологической семантики на синтаксическом уровне анализа едва ли кому-нибудь удастся добиться. Надо согласиться с мнением тех языковедов, которые предпочитают осуществлять описание структуры предложения в терминах традиционной модели синтаксических членов¹¹, поскольку эта модель «хорошо согласуется с фактами и потому едва ли может быть опровергнута, хотя, разумеется, легко может быть заменена какой-то иной гипотезой, созданной под иным углом зрения на структуру предложения»¹².

Традиционная модель членов предложения используется при разработке типологической классификации языков¹³. Эта модель не противоречит и современным представлениям о синтагматических и парадигматических отношениях между единицами языка на различных уровнях его структуры.

Остановимся на этом последнем положении и попытаемся рассмотреть — по необходимости бегло и схематично — основные понятия, связанные с интерпретацией членов предложения в аспекте синтаксической парадигматики и синтагматики.

Парадигматическая и синтагматическая концепция языка в зародыше содержится уже в докторской диссертации Н. В. Крушевского («Очерк науки о языке», Казань, 1883), который указал на то, что «каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре и значению и столь же бесчисленными связями с разными своими спутниками во всевозможных фразах», что связи между словами бывают двух порядков — «порядка сосуществования (сходство) и порядка последовательности (смежность)»¹⁴.

⁸ См.: «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 546—610.

⁹ А. В. Бондарко, В. И. Кодохов, О новой модели описания грамматического строя русского языка, ВЯ, 1971, 6, стр. 44.

¹⁰ В. В. Виноградов, Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 44.

¹¹ См.: Ю. В. Ваников, Полная синтагматическая модель предложения и типы ее реализации в тексте, в кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», М., 1969, стр. 53.

¹² См.: Б. Н. Головин, К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса, сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969, стр. 83.

¹³ См.: «Члены предложения в языках различных типов», Л., 1972.

¹⁴ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев, Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков, М., 1956, стр. 248.

Признание и распространение эта теория получила после опубликования в 1916 г. знаменитого «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, в концепции которого она органически связана с расщеплением «речевой деятельности» (*langage*) на «язык» (*langue*) и «речь» (*parole*), с осознанием системности языка. Ф. де Соссюр говорил о двух типах отношений, в которые вступают языковые единицы: отношениях синтагматических и ассоциативных¹⁵. Согласно взглядам Ф. де Соссюра, синтагматические отношения основаны «на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу»¹⁶. В синтагматические отношения вступают слова в речи, образуя цепь. Специально подчеркивается, что синтагматические отношения не есть принадлежность только речи, но и языка¹⁷. Отношения ассоциативные характеризуются в «Курсе...» следующим образом: «...вне процесса речи слова, имеющие между собою что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения»¹⁸; эти отношения «не опираются на протяженность; их местопребывание — в мозгу; они составляют тот запас, который у каждого индивида образует язык»¹⁹.

Противопоставляя синтагматические отношения ассоциативным, Ф. де Соссюр отмечал, что синтагматические отношения всегда налицо (*in praesentia*), тогда как ассоциативные отношения соединяют элементы отсутствующие (*in absentia*) в потенциальный, мнемонический ряд²⁰.

Хотя общие понятия и определения синтагматики и парадигматики выясняются Соссюром на уровне слова, он не склонен был думать, что другие единицы языка стоят вне синтагматики и парадигматики: «Все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций»²¹.

Синтагматическая и парадигматическая теория языка в последние десятилетия получает признание как в работах зарубежных лингвистов, так и в советском языкознании²². Правда, отмечается, что многие вопросы парадигматики (в частности, синтаксической) скорее поставлены, чем решены, нет единства в понимании как частных, так и ведущих аспектов синтаксической парадигмы; однако само направление в целом считается перспективным, способствующим выявлению специфических особенностей синтаксического уровня языка²³.

Традиционная модель членов предложения, как уже отмечалось, вполне может быть интерпретирована в аспекте синтаксической синтагматики и парадигматики. Эта модель позволяет в относительно небольшом количестве понятий и терминов более или менее адекватно действительному положению вещей описывать все многообразие связей и отношений между словами в предложении, а эти связи и отношения, в конечном счете, есть отображение тех реальных связей и отношений, которые существуют в объективной действительности.

¹⁵ Термин «парадигматические отношения» был введен в научный обиход Л. Ельмслевом. Ф. де Соссюр эти отношения называл ассоциативными, что вполне согласуется с характерной для его лингвистической концепции психологической окраской.

¹⁶ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 121.

¹⁷ Там же, стр. 122.

¹⁸ Там же, стр. 121.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 131.

²² Вопросам синтаксической парадигматики посвящен содержательный обзор Ю. М. Костинского («Вопросы синтаксической парадигматики», ВЯ, 1969, 5).

²³ См.: Ю. М. Костинский, указ. соч., стр. 144.

Синтаксические функции того или иного слова, являющегося принадлежностью известного лексико-грамматического класса (части речи), определяются теми связями и отношениями, в которые вступает данное слово с другими словами в предложении. Одна и та же словоформа в разных случаях ее реального употребления в зависимости от указанных связей и отношений может выполнять роль разных членов предложения; один и тот же член предложения может быть морфологически и лексически представлен весьма различно. И все же морфологическим «ядром» категории определения являются, прежде всего, формы качественных и относительных прилагательных, дополнения — формы косвенных падежей имен существительных, обстоятельства — формы наречий и деепричастий.

Противопоставление в синтаксической системе языка главных членов предложения второстепенным представляется вполне оправданным, поскольку главные члены, будучи предикативным центром предложения, определяются (в самом широком смысле этого слова) второстепенными членами. Это может осуществляться трояко: 1) второстепенные члены относятся непосредственно к членам предикативного центра, 2) второстепенные члены относятся ко всей остальной части предложения и так или иначе определяют главные члены, как это имеет место при обособлении некоторых второстепенных членов или в случаях с детерминирующими членами предложения, 3) второстепенные члены относятся к другим второстепенным членам и определяют главные члены предложения опосредованно. Примеры очевидны.

Члены предложения, подобно другим единицам языковой системы, предстают перед нами в конкретных предложениях в речи в том или ином варианте их реализации. Среди этих вариантов всегда есть такие, которые являются типичными, открывающими и возглавляющими данные ряды. Эти варианты реализации в речи определенного члена предложения как абстрактной синтаксической единицы есть типичные представители известных членов в конкретных речевых высказываниях. Член предложения как единица синтаксической системы языка не дан нам в «целом» виде в определенном предложении в речи, как нам не даны и другие языковые единицы, например, слово. Ведь слово с точки зрения языковой системы есть известный набор словоформ, которые только и являются нам в конкретных речевых актах, в текстах.

Определение как синтаксическая единица представляет собою целую систему форм и предстает перед нами в конкретных предложениях в виде различных вариантов речевых реализаций. Чтобы установить весь набор форм определения, необходимо проанализировать более или менее протяженный отрывок текста.

По мысли Л. В. Щербы, «занимаясь „языком“, мы лишь обобщаем частные случаи „речи“, которые только и даны в опыте»²⁴.

Совершенно очевидно, что система форм одного и того же члена предложения как синтаксической единицы языка представляет собою известного рода парадигму. Парадигма определения, например, открывается «типичным» определением, т. е. таким, которое имеет чисто атрибутивную функцию и предназначенные для выражения этой функции формы. Все другие элементы парадигмы связаны с этим типичным элементом общностью синтаксической функции и противопоставлены ему, поскольку при их реализации атрибутивная функция сопровождается целой гаммой функционально-синтаксических оттенков значения — обстоятельственных, объектных, пояснительных, уточнительных и др. Обособленные определения —

²⁴ Л. В. Щ е р б а, Очередные проблемы языковедения, в кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958, стр. 23.

только один из элементов известного парадигматического ряда, так как обособленные определения, наряду с отношениями атрибутивными, содержат некую долю предикативности, которая связывается обычно с функцией добавочного сообщения, а также — нередко — и различного рода обстоятельственные оттенки значения (причинный, уступительный, условный, временной, способа совершения действия и др.)

Типичный элемент парадигмы определения можно назвать простым, а все остальные — осложненными, так как при их реализации всегда примешиваются добавочные функционально-синтаксические оттенки. Осложненные элементы парадигмы определения, связанные тождеством идентичной синтаксической функции с простым, типичным элементом, противопоставлены этому последнему. Дифференциальным признаком при этом является наличие функционально-синтаксических оттенков, облекающих основное атрибутивное ядро категории определения. Функционально-синтаксические оттенки делают осложненные элементы парадигмы маркированным членом данного противопоставления, тогда как простой элемент парадигмы оказывается лишенным указанной приметы, как это обычно наблюдается в привативных оппозициях.

Может показаться, что элементы парадигмы определения противопоставлены только функционально, но в действительности функция всегда предполагает форму, и наоборот. Само собою разумеется, что парадигма члена предложения представлена формально не столь ярко и зримо, как, скажем, «классические» парадигмы частей речи, однако вместе с функциональными различиями так или иначе представлены и формальные различия.

Поскольку члены предложения — единицы функциональные, постольку противопоставление элементов их парадигм наиболее отчетливо проявляется именно в плане функциональном, а не формальном, как в морфологии.

Парадигматические отношения неразрывно связаны с синтагматическими, т. е. с отношениями элементов парадигм членов предложения в речевой цепи, в конкретных реализациях в речи предложений как абстрактных синтаксических единиц языковой системы. Наблюдая за синтагматическим «поведением» имени прилагательного, например, мы обнаруживаем, что оно может занимать в предложении разные синтаксические позиции. Для того чтобы имя прилагательное могло выражать чисто атрибутивные отношения, требуется отнесенность его к имени существительному, а не к личному местоимению; надо, чтобы это прилагательное не входило в качестве компонента в состав сказуемого (допустим, составного именного), чтобы оно не обнаруживало смысловых связей со сказуемым, если относится к подлежащему, чтобы оно занимало свое обычное место впереди определяемого²⁵, с которым оно синтаксически и семантически связано, чтобы оно не было инверсированным и оторванным от определяемого, чтобы не было перегруженным зависимыми словами и т. п. Только при соблюдении известных условий имя прилагательное может быть в предложении типичным определением-атрибутом, не осложненным иными отношениями или оттенками функционально-синтаксических значений. Однако согласованные определения-прилагательные могут оказаться в предложении в такой позиции, в которой они приобретают различные функционально-синтаксические оттенки значения, например, при отнесенности к личному местоимению, в постпозиции по отношению к определяемому, при оторванности от определяемого и проч. Именно в таких синтаксических позициях в ряде случаев имеет место обособление определений,

²⁵ Об отступлениях от этого положения см.: И. И. К о в т у н о в а, Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в., М., 1969, стр. 42—56.

которое как раз и связано с различными осложнениями выражаемых определениями атрибутивных отношений. Ср.: *Усталый мальчик быстро уснул.* — *Усталый, он быстро уснул.*

Несогласованные определения, морфологически представленные управляемыми и примыкающими частями речи, наряду с атрибутивными отношениями, имеют оттенки отношений объектных и обстоятельственных. Осложненные элементы парадигмы обычно имеют такие функционально-синтаксические оттенки, которые в целом не нарушают тождества того или иного члена предложения как синтаксической единицы. Однако иногда встречаются случаи, когда определенная словоформа совмещает значения разных членов предложения — определения и дополнения, определения и обстоятельства, дополнения и обстоятельства, причем количественно установить доли этих значений при отсутствии более или менее строгого аппарата анализа далеко не всегда возможно. Это — синкретические случаи реализации членов предложения в речи.

Второстепенные члены могут занимать в предложении как сильные, так и слабые синтаксические позиции. В сильных синтаксических позициях бывают простые, типичные элементы парадигмы того или иного второстепенного члена, в слабых — осложненные элементы парадигмы. Так, необособленные согласованные определения, представленные именами прилагательными и морфологически подобными им словами, оказываются простыми, типичными элементами парадигмы определения и занимают в предложении сильные синтаксические позиции, выражая чисто атрибутивные отношения без каких-либо функционально-синтаксических осложнений: «Сквозь *обнаженные, бурые* сучья деревьев мирно белеет *неподвижное* небо» (Тургенев, Лес и степь). Несогласованные определения, представленные управляемыми и примыкающими частями речи, обычно оказываются в предложении в слабых позициях и выражают атрибутивные отношения, осложненные функционально-синтаксическими оттенками значения (объектными и обстоятельственными). В только что приведенном предложении присубстантивная форма родительного принадлежности (*сучья деревьев*) выражает атрибутивные отношения с объектным оттенком значения, причем атрибутивные отношения оказываются здесь, несомненно, главенствующими, поскольку нарицательное имя существительное с конкретной предметной семантикой предполагает, прежде всего, атрибутивные распространители.

Обособленные второстепенные члены предложения являются осложненными элементами парадигм соответствующих членов и занимают в предложении слабые синтаксические позиции, так как обособление всегда связано с передачей добавочных оттенков значения.

Синкретические члены предложения — это в основном словоформы с двойными синтаксическими связями в предложении, о чем говорилось выше. Такие члены предложения оказываются в позиции *нейтрализации*, в связи с чем совмещают значения разных второстепенных членов предложения; они находятся на периферии парадигм соответствующих членов предложения и являются, так сказать, «гиперчленами».

Совершенно очевидно, что и главные члены предложения реализуются в конкретных предложениях в речи только элементами своих парадигм. Но, в отличие от второстепенных членов, главные члены всегда оказываются в предложении в сильной позиции, так что синтаксический механизм их обнаружения в текстах значительно проще механизма обнаружения второстепенных членов.

Подлежащее с точки зрения синтагматической иерархии является абсолютным определяемым в предложении. Сказуемое всегда подчиняется только подлежащему и вступает с ним в предикативные отношения. Лек-

сико-морфологические элементы парадигмы подлежащего скорее напоминают не варианты, а вариации, которые могут отличаться друг от друга стилистически, а также синтагматическими свойствами, валентностью, неодинаковой способностью подчинять себе элементы парадигм второстепенных членов. Известно, например, что подлежащее, представленное именем существительным нарицательным, обладает большими возможностями сочетаемости с атрибутивными элементами, нежели подлежащее, выраженное именем собственным или личным местоимением. Сказуемое располагает богатейшими возможностями парадигматического варьирования, но элементы парадигмы сказуемого все же никогда не нарушают его тождества как синтаксической единицы и никогда не оказываются в предложении в слабых позициях.

Следовательно, главные члены предложения противопоставляются второстепенным и позиционно: они никогда не бывают в слабых позициях, а тем более — в позициях нейтрализации. Кроме того, главные члены не бывают обособленными, не подвергаются парцелляции. Это, несомненно, связано с их особым статусом в структуре предложения.